

Лучшая на свете
первая любовь

M I A S H E R I D A N

Leo

М И Я Ш Е Р И Д А Н

Навеки
твой, Лео

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш49

Mia Sheridan

LEO

Copyright © 2013. LEO by Mia Sheridan
The moral rights of the author have been asserted

Перевод с английского *Ольги Бараш*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Шеридан, Миа.

Ш49 Навеки твой, Лео / Мия Шеридан ; [перевод с английского О. Бараш]. – Москва : Эксмо, 2020. – 288 с.

ISBN 978-5-04-108235-2

Эви познакомилась с Лео в приюте. Он всегда был рядом. Лучший друг. Лучший возлюбленный.

Когда его, пятнадцатилетнего, усыновили, Лео пообещал Эви писать письма каждую неделю.

Но после его отъезда не пришло ни одного письма.

Довольно грустная история первой любви. Поэтому, когда повзрослевшая Эви знакомится с мужчиной мечты, темноволосым, эффектным Джейком, она все равно не может избавиться от воспоминаний о Лео.

Все становится только запутаннее, когда Джейк признается, что знал Лео, но тот погиб в авиакатастрофе.

Но одна из бывших Джейка уверяет Эви, что Джейк говорит неправду.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бараш О., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108235-2

Глава 1

Эви четырнадцать, Лео пятнадцать

Я сижу на крыше над окном своей спальни, смотрю в темное ночное небо и наблюдаю, как мое дыхание растворяется в холодном ноябрьском воздухе. Я плотнее закутываюсь в грязное розовое одеяло и пристраиваю голову на колени, крепко прижатые к груди. Внезапно рядом со мной на крышу шлепается камешек и скользит по некрутому скату к земле. Я поднимаю голову и улыбаюсь, услышав, как Лео начинает подниматься по ветхой решетке на боковой стене. Прибавит еще фунт, и полуразвалившаяся конструкция перестанет его выдерживать. Но это уже неважно. Его уже не будет здесь, чтобы лаять. При этой мысли мое сердце мучительно сжимается, но я встречаю его с подобающей миной, когда он одолевает уступ и подползает ко мне: сплошные локти, колени и лохматые темно-русые волосы. Усевшись рядом, он радостно улыбается, и становится видна щелочка между передними зубами, которая мне так нравится. Я наклоняюсь к нему, и несколько минут мы сидим голова к голове и смотрим друг другу в глаза. Потом он со вздохом выпрямляется.

– Боюсь, не смогу я без тебя жить, Эви, – говорит он, будто сдерживая слезы.

Я хлопаю его по плечу.

– Прямо мелодрама, тебе не кажется, Лео? – поддразниваю я, пытаясь выжать из него улыбку. Сработало.

Но улыбка тут же исчезает, и он проводит рукой по лицу. И, помолчав минуту, продолжает:

– Нет. Так оно и есть.

Я не знаю, что сказать. Как я могу утешить его, если чувствую то же самое?

Он снова смотрит на меня, и наши глаза встречаются.

– Чего уставился? – спрашиваю я, зная, что он поймет. Это были первые слова, которые я сказала ему.

Выражение его лица не меняется, но затем на него медленно наплзает улыбка.

– Ты симпатичная, – говорит он, уже широко улыбаясь, снова показывая мне щелочку между зубами и безошибочно произнося свою реплику.

Он худой, лохматый, встрепанный; и он самый красивый мальчишка, которого я когда-либо видела. Мне никогда не надоедает смотреть на него. Я хочу все время быть рядом с ним. Но он переезжает на другой конец страны, и мы ничего не можем сделать. Мы встретились в первом приемном доме, куда оба были отправлены. Он стал моим лучшим другом на свете, я по-настоящему полюбила его, благодаря ему я поняла, что мечтать не опасно. Но его усыновили. Я очень рада, что у него наконец появилась семья,

ведь с подростками такое редко бывает. И в то же время сердце у меня обливается кровью.

Он смотрит на меня так пристально, будто может прочесть мои мысли. А он и вправду может. То ли я – открытая книга, то ли любовь – увеличительное стекло, направленное прямо в души тех, кто владеет твоим сердцем.

Несколько секунд он молча смотрит на меня, и по его лицу я понимаю, что он принял решение. Прежде чем я угадываю, что он задумал, он наклоняется ко мне и мягко касается губами моих губ. В воздухе вокруг нас вспыхивают крошечные искры, и я слегка дрожу. Он придвигается ко мне и обхватывает ладонями мое лицо. Смотрит прямо мне в глаза, и его губы, все еще в нескольких дюймах от моих, шепчут:

– Я поцелую тебя сейчас, Эви, и это будет означать, что ты моя. Мне все равно, как далеко мы друг от друга. Ты. Моя. Я буду ждать тебя. И хочу, чтобы ты тоже ждала. Обещай, что никому не позволишь коснуться тебя. Обещай мне, что ты сохранишь себя для меня, и только для меня.

Весь мир исчез, и только мы сидим здесь, на крыше, посреди ноябрьской ночи. «Да», – шепчу я в ответ, и слово отдается в моем мозгу. Да, да, да, миллион раз да.

Он замолкает, все еще глядя мне в глаза, и мне хочется крикнуть: «Поцелуй меня скорее!» Мое тело ошалело от предвкушения.

А потом его губы снова касаются моих, и это настоящий поцелуй. Все начинается нежно, его мягкие

губы легко пощипывают мои. Но затем что-то в нем меняется, он неожиданно проводит языком между моих сжатых губ, прося входа. Когда я открываюсь ему, по моему позвоночнику проходит дрожь, я издаю произвольный стон, и, услышав меня, он стонет в ответ. Его язык заигрывает с моим – ласково, будто ведет нежную дуэль, – и я чувствую, что мое тело сейчас взорвется от удовольствия. Мы возимся так несколько минут, и даже наша неопытность восхитительна в своих поисках. Или, по крайней мере, мне так кажется, и я надеюсь, что ему тоже. Мы изучаем и запоминаем рты друг друга. И вскоре мы словно два партнера в танце, движущиеся в идеальной синхронности, живущие страстной хореографией губ и языков.

Я откидываюсь на крышу, прижимая его к себе, и мы продолжаем целоваться. Мы целуемся часами, днями, неделями, возможно, всю жизнь. Наш поцелуй – это блаженное забвение. Это слишком много и слишком мало.

Это мой первый поцелуй, и я знаю, что для Лео он тоже первый. И это совершенство.

Внезапно я чувствую что-то мокрое и холодное на своих щеках, и это возвращает меня к реальности. Я открываю глаза, и он тоже, и мы оба осознаем, что вокруг нас падают большие пушистые снежинки.

Мы оба смеемся от удивления. Как будто ангелы устроили это шоу только для нас, чтобы этот самый памятный миг нашей жизни стал еще волшебнее.

Лео скатывается с меня, и мне тут же становится холодно. Мне пора внутрь, а ему – домой. Осозна-

ние этого – как холодный душ, в горле у меня встает комок. По щекам катятся слезы.

Лео притягивает меня к себе, и мы долго цепляемся друг за друга, чтобы собраться с силами и сказать «прощай».

Он отстраняется, на его лице выражение душевнораздирающей муки.

– Это не прощание, Эви. Помни нашу клятву. Никогда не забывай нашей клятвы. Я вернусь за тобой. Я напишу тебе с нового адреса, как только доберусь до Сан-Диего, и мы всегда будем на связи. Я хочу носить твои письма с собой и перечитывать их снова и снова. Номер телефона я тоже пришлю, на всякий случай, но лучше напиши, хорошо? Не успеет оглянуться, тебе стукнет восемнадцать, и я смогу вернуться за тобой. И мы больше не расстанемся.

– Хорошо, – шепчу я. – Напиши, как только приедешь, ладно?

– Конечно. Это первое, что я сделаю. – В последний раз он притягивает меня к себе и поцелуями суживает слезы на моих щеках. Уже начав спускаться, он оборачивается и тихо говорит: «Никого, кроме тебя, Эви».

Это его последние слова. Больше я никогда не увижу Лео.

Глава 2

Восемь лет спустя

Кто-то следит за мной. Уже полторы недели. И наконец спалился. Я заметила его почти сразу и наблюдала, как он следит за мной. Видимо, не профессионал. Но мне не известна ни одна причина, по которой кто-то может преследовать меня по всему городу. Особенно кто-то вроде этого парня. Я слышала, что многим серийным убийцам удается заманить жертв, потому что с виду они симпатичные, славные, обыкновенные ребята. Но мне как-то не верится, что преследующий меня Адонис чем-то опасен. Может быть, я наивна, но это просто внутреннее чувство. Мое воспитание научило меня немедленно чують угрозу, а от него я ее не чувствую. К тому же он скорее из тех, кого вы станете просить — даже умолять — завести вас в темный переулок, а не дадите от него деру. Я рассматривала его и через щель в жалюзи с помощью стратегически расположенного зеркала от пудреницы, и через витрины магазина, в которых он отражался, и мне было почти неловко за его смехотворные навыки слежки. Очевидно, что он никогда не станет ценным приобретением ни для одной организации ниндзя.

Но спрашивается, чего ему надо? По всей вероятности, это какая-то ошибка. Возможно, он действительно неумелый шпик, который зацепил не ту девицу для одного из своих клиентов.

Но сегодня он меня не преследует, и это хорошо, потому что я иду на похороны и не хочу, чтобы меня отвлекали. Сегодня хоронят Иву. Красотку Иву, названную именем дерева с длинными ветвями, качающимися и гнущимися на ветру. Только эта ива не согнулась, когда подул холодный ветер. Она сломалась. Она погибла. Она сказала, что с нее хватит, и воткнула себе в руку иглу. У меня перехватывает дыхание, когда я представляю ее красивое лицо, всегда искаженное печальной, настороженной grimасой.

Мы росли вместе в приемной семье, и ни у одной из нас жизнь не началась как сказка. Мы встретились в первом доме, куда меня определили после того, как сосед вызвал полицию из-за слишком громкой вечеринки, которую устроила моя родная мамаша. Когда появилась полиция, я сидела на диване в розовой пижаме с изображением заботливых мишек, парень, от которого несло гнилыми зубами и пивом, засунул руку мне под рубашку и был слишком пьян, чтобы вовремя ее отдернуть, а на кофейном столике валялось несколько пакетиков с наркотой. Мать сидела на диване напротив и равнодушно смотрела на это. То ли ей было до лампочки, то ли она слишком нагрузилась, чтобы соображать.

В конце концов, какая разница.

Я сидела, не шевелясь, когда полиция оттащила от меня парня. К тому времени я уже знала, что со-

противляться бессмысленно. Лучше всего было исчезнуть, и если я не могла спрятаться в шкафу или под кроватью, то могла это сделать хотя бы мысленно. Мне было десять.

Тот первый приемный дом, по моим воспоминаниям, был похож на ящик для мелочей. Ну, у каждого на кухне есть такой, в котором держат всякую дребедень, не имеющую своего места. Мы все были там разрозненными предметами, которые объединяло только одно: все были разные.

Через пару дней после меня появилась Ива, хорошенькая белокурая фея с затравленными глазами. Она мало разговаривала, но в первую же ночь забралась в мою кровать, устроилась между мной и стеной и свернулась в клубок. Во сне она хныкала и умоляла кого-то, чтобы ей перестали делать больно. Я не очень-то задумывалась о том, что с ней случилось. После этого я старалась защищать ее, как могла, хотя была всего на год старше. Никто из нас не был силой, с которой следовало считаться, — просто две брошенные девчонки, уже узнавшие, что доверять людям — рискованное дело, но Ива была еще уязвимее, чем я, казалось, она рухнет при малейшей боли. Так что я брала на себя ее провинности и наказание за них. Я позволяла ей спать со мной каждую ночь, рассказывала ей истории, чтобы попытаться успокоить ее демонов. У меня мало талантов, но рассказчица я хорошая, и я плела для нее сказки, чтобы разобраться в ее кошмарах. По правде говоря, они были так же важны для меня, как и для нее. И я пыталась ее понять.

Многие годы я изо всех сил старалась любить эту девочку. И Господь знает, что это так. Но, как я ни желала и ни старалась, я не смогла спасти Иву. И думаю, никто не мог, потому что, как это ни грустно, Ива не хотела, чтобы ее спасали. Когда-то ей внушили, что ее никто не любит и не любит, и она вплетала эту ложь в свою душу, пока не стала жить и дышать ею. Это стало объяснением каждого ее поступка и каждого сердца, которое она разбила, включая мое.

Через месяц после меня и Ивы в нашем доме появился одиннадцатилетний мальчик — высокий, тощий, злой парень по имени Лео, который бурчал «да» и «нет» в ответ приемным родителям и едва смотрел кому-либо в глаза. Одна рука у него была в гипсе, а на шее красовались уже сходящие желтоватые синяки, похожие на следы пальцев. Казалось, он был зол на весь мир, и здравый смысл подсказывал мне, что у него есть на это веская причина.

Лео, Лео... Но я знаю, что думать о нем нельзя. Не пускаю туда свой разум, потому что это слишком больно. Из всего, что я пережила, он — единственное, о чем я не могу долго вспоминать. У него есть место в прошлом, и я оставляю его там... насколько способны мои разум и сердце.

Мои размышления прерывает распорядитель, который подает сигнал, что пора произнести речь.

К сожалению, Ива никогда не дружила с людьми, которые к девяти часам воскресного утра уже успевали выбраться из бездны своего отчаяния, поэтому аудитория невелика, и по крайней мере половина на-

роду выглядит как с похмелья, а то и не успевшими протрезветь. Я стою на трибуне и смотрю на этот сброд, и вот тут-то вижу его: он стоит, прислонившись к дереву в нескольких футах позади остального сборища. Его присутствие поражает меня. Я была уверена, что здесь-то за мной не следят. Но как он попал сюда, если не преследовал меня? Я точно знаю, что никогда не видела его с Ивой. Я бы запомнила этого парня. Секунду я смотрю на своего таинственного соглядатая, и он с непроницаемым лицом держивает зрительный контакт. Наши глаза встретились в первый раз, и я тряхнула головой, чтобы вернуться в свою роль и начать говорить.

— Однажды ангелы отправили очень необычную, красивую девочку в далекую страну, чтобы она жила волшебной жизнью, полной любви и счастья. Они называли ее Стекло́йной принцессой, потому что ее смех напоминал им звон стеклянных колокольчиков, которые висят на небесных вратах и звенят каждый раз, приветствуя новую душу. Но это имя подходило ей и потому, что она была очень чувствительна и любила очень глубоко, и ее сердце могло легко разбиться...

Но, готовя ее путешествие в далекую страну, один из ангелов-новичков ошибся и все перепутал, послав Стекло́йную принцессу туда, где она не должна была быть, — в темный, уродливый край, которым правили горгульи и другие злобные существа. А когда душа помещена в тело человека, это уже навсегда, этого нельзя изменить. Хотя ангелы плакали о судьбе, выпавшей Стекло́йной принцес-

се, они ничего не могли сделать, только присматривать и изо всех сил стараться вести ее в нужную сторону, подальше от земли горгулий и злых тварей.

Но, увы, очень скоро после того, как Стеклянная принцесса прибыла на эту землю, жестокие твари проделали первую большую трещину в ее очень хрупком сердце. И хотя многие другие, не такие злые существа пытались любить принцессу и заботиться о ней — ведь она была очень красивой и заслуживала любви, — сердце принцессы продолжало трескаться, пока окончательно не разбилось навсегда.

Принцесса закрыла глаза в последний раз, думая обо всех злых монстрах, которые были так жестоки с ней и заставили ее сердце разбиться. Но последнее слово никогда не останется за злыми тварями, в какой бы ярости они ни были, никогда не получат последнего слова. Ангелы, которые были всегда рядом, подхватили и отнесли Стеклянную принцессу обратно на небеса, где собрали ее разбитое сердце, чтобы ей больше никогда не было больно. Принцесса открыла глаза, улыбнулась своей милой улыбкой и рассмеялась милым смехом. Он по-прежнему звучал как звон стеклянных колокольчиков. Стеклянная принцесса наконец-то оказалась дома.

Я протолкалась на свое место; на одних лицах было написано равнодушие, на других — легкое недоумение. Наверняка не могут понять, почему я рассказала детскую сказку на похоронах наркомаки. Но это касается только меня и Ивы, я уверена, что она все слышала и сейчас улыбается.